

Благотворительность в Латвии движется вверх по лестнице человеческих потребностей

Инга Шина, председатель правления Благотворительного фонда банка Rietumi

Иногда люди скептически относятся к благотворительным организациям, управляемым предпринимателями или крупными бизнес-организациями, рассматривая такие инициативы как коммерческую мотивацию. Мотивация предпринимателей заниматься благотворительностью действительно может широко варьироваться - она может быть глубоко укоренена в личных убеждениях или может действительно вырастать из их деловых ценностей и миссии. Но важно то, создает ли эта благотворительность, которая также может иметь коммерческие корни, непреходящую ценность. И, как учит нас история, так бывает часто.

Вспомним яркий пример. Знаменитая опера Джузеппе Верди «Аида» была написана по приказу египетского правителя и была приурочена к открытию Суэцкого канала. Верди получил за это внушительные 150 000 франков. История этого «заказа» интересна, но сколько людей ее знают? «Аиду» же знает и любит весь мир. Коммерческая мотивация крупного культурного события или личная мотивация правителя теряют смысл на протяжении истории. Но ценность культуры остается на благо общества. То же самое можно сказать и о других благотворительных инициативах. Конечно, редко кто создает ценности уровня Верди, но влияние добрых дел сохраняется на долгие годы.

В этой статье я остановлюсь более конкретно на этой стороне благотворительности, которая не так очевидна, как, например, помощь детским домам или больницам, и поэтому не всегда ценится соответствующим образом. Но это также вложение в будущее, в духовный и интеллектуальный рост, что не менее важно для развития человечества и общества в частности.

Я руковожу Благотворительным фондом банка Rietumi в течение 16 лет, и меня часто спрашивают - как оценить благотворительность, каковы ее критерии, как определить удачные проекты поддержки в благотворительности? Это важные вопросы, потому что на самом деле сфера благотворительности обширна и основана на потребностях и эмоциях людей, которые часто невозможно точно измерить.

Я убеждена, что современная благотворительность должна адаптироваться и соответствовать амбициям латвийского народа в интеллектуальном росте, конечно, оказывая при этом поддержку и там, где это необходимо для удовлетворения основных потребностей людей, если государство или экономика еще не смогли этого сделать.

Самый важный урок из моего опыта заключается в том, что благотворительность – это зеркало текущего развития общества. В Латвии рост благотворительности столь же динамичен, как и изменения в самой экономике страны, и именно так я предлагаю взглянуть на феномен благотворительности.

90-е годы знаменуют собой как начало латвийского бизнеса, так и, по сути, первый этап в формировании культуры благотворительности новой страны. Мы помним, сколько разных потребностей возникло сразу после восстановления независимости – в социальных вопросах, в образовании и в здравоохранении. С одной стороны, структуры, которые существовали десятилетиями, рухнули за короткий промежуток времени, но с другой – сформировался новый капитал и группа предпринимателей, имевших в своем распоряжении беспрецедентный объем частных средств. Благотворительность этого времени во многом отражает особенности того времени - молодые предприниматели пытались поддержать то, что каждый считал важным, в соответствии со своими интересами. Многие благотворительные проекты были основаны на личном опыте: люди помогали своей школе, поддерживали больницу, где они были, или развивали спорт, который им нравился.

За это время мы тоже реализовали много благотворительных проектов в тех местах, где сами видели настоящие проблемы. Помню, например, что у одной из наших коллег заболел ребенок и попал в Детскую больницу. Условия были ужасные, потому что ремонт не производился много лет, и в палате даже не было нормального отопления. Мы, увидев это, отремонтировали весь корпус больницы. Потом было еще много всего - мы делали другие ремонты, закупали критически необходимое медицинское оборудование для различных больниц, помогали школам, детским домам. Многие другие предприниматели поступали так же, некоторые из них также поставили на ноги латвийские национальные спортивные команды - хоккей, баскетбол, - которыми мы все сейчас гордимся.

За это время, которое в некотором роде было довольно хаотичным, было сделано много хорошего - частная инициатива, насколько могла, дополнила наметившуюся роль государства в развитии общества.

Позже, по мере того, как Латвия приближалась к Европейскому Союзу, а затем и в его составе, страна все более и более эффективно решала фундаментальные проблемы существования и быстро добивалась значительного прогресса в вопросах здравоохранения, социального обеспечения, образования и безопасности.

Я бы назвала это время вторым этапом латвийской благотворительности, который начался незадолго до рубежа веков. Корпоративная благотворительность тогда начинает фокусироваться на более крупных проектах, идеи благотворительных мероприятий начинают приобретать более глубокое содержание и более изысканную форму. Наверное, не обошлось и без случаев, когда эго «нового капитала» заслонило суть благотворительных проектов, но такие случаи также являются неотъемлемой частью формирования культуры. Многие поддерживали Национальную оперу, которая в определенном смысле стала местом встречи новой латвийской буржуазии. Были поддержаны также и такие значительные гастролы, как концерты Хосе Каррераса или Монсеррат Кабалье.

Наш фонд также поддерживал тогда многие художественные выставки, закупал картины для Национального художественного музея, помогал городской среде - например, за наши средства построили современную детскую площадку в Межапарке, установили часы рядом с концертным залом «Дзинтари» в Юрмале. Интересным проектом такого рода оказалась установка ночного освещения возле церкви Святого Павла в Риге - в результате она не только создала ночной эстетический эффект, но и полностью изменила социальную среду в этом районе, которая до того была весьма неблагоприятной. В то же время мы продолжали поддерживать такие проекты как покупка специализированного инкубатора для транспортировки младенцев для Центра медицины катастроф, помощь детям из малообеспеченных семей и пожилым людям.

Не обошлось и без курьезов. Помню, в «жирные» докризисные годы к нам обратился некий ботаник с просьбой выделить 1,5 миллиона евро на исследования образа жизни особой болотной букашки ...

А если серьезно, то это было время стремительного роста латвийского бизнеса, сопровождавшееся желанием создать что-то яркое, чего еще не было в Латвии.

Я бы назвала последние несколько лет третьим этапом развития латвийской благотворительности. Наша страна еще не достигла среднего уровня благосостояния Европейского Союза, но мы находимся на пути к нему, и различия в повседневной жизни уже не так разительны. Таким образом, мы также достигли стадии зрелости в благотворительности, которая характеризуется более четким пониманием взаимодействия бизнеса и государства в развитии общества.

Самая важная черта этой стадии зрелости - продвижение общества по лестнице пирамиды потребностей, уход от проблем, важных для существования, в поисках более эмоционально насыщенного удовлетворения. Это время, когда латвийское общество и экономика могут больше сосредоточиться на интеллектуальном росте, который необходим как для поддержания международной конкурентоспособности, так и для самореализации личной жизни каждого человека.

В этом контексте я вспомню один из интересных проектов из опыта Благотворительного фонда банка Rietumu - кинофорум Arsenal, который с годами расширил эстетический кругозор латвийцев, позволил развить более тонкий кинематографический вкус и познать иное мировоззрение.

Этот этап зрелости благотворительности также характеризуется более структурированным и прагматичным подходом к выбору и реализации поддержки. Прошли те годы, когда благотворительность формировалась только на основе чувств или видения некоторых людей. Как в работе нашего фонда, так и в международной практике решения принимаются на основании следующего набора критериев:

Прежде всего, нужно оценивать, решает ли конкретный благотворительный проект проблему общества или его части, улучшает или обогащает качество жизни общества или его части? Это критический первый порог. Относительно легко сказать, решает ли проект проблему, сложнее оценить, улучшает ли он качество жизни. Однако это измерение является фундаментальным в обществе, стремящемся к интеллектуальному росту. Это следует рассматривать в контексте того, как

мы в настоящее время понимаем духовный, нравственный и эмоциональный рост общества.

Во-вторых, не поддерживается ли данный тип благотворительного проекта рыночной экономикой, т.е. невозможно ли реализовать и профинансировать проект на коммерческих условиях? В-третьих, этот вид благотворительности не реализуется ли в достаточной степени государством? Замечание о «достаточной степени» здесь важно, потому что государственные институты в настоящее время очень много делают для развития общества, хотя этого часто бывает недостаточно. В-четвертых, необходим ли конкретный благотворительный проект широкой аудитории, то есть действительно ли благотворительный проект нужен достаточно большому числу людей? Здесь всегда будет место для обсуждения относительно «достаточно большого числа людей», но я призываю рассматривать это соразмерно и в контексте других критериев. Иногда бывает целесообразно осуществить благотворительность, даже если она принесет пользу небольшому количеству людей, но необходимость является критической.

Наконец, какое будущее ждет благотворительность? Я думаю, что по мере возрастания роли государства в решении социальных вопросов она будет все больше двигаться в направлении эмоционального благополучия и развития людей. Возрастет важность ментального здоровья и реализации в интеллектуальной жизни. В свою очередь, вопрос об основных потребностях в социальных вопросах сменится необходимостью уменьшения неравенства.